

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

(Рец. на кн.: *Акихиро Сато. Стил повествования древнерусской летописи «Повесть временных лет» и язык «Житий Кирилла и Мефодия» : опыт сопоставительного исследования // Japanese Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists Ohrid, September 10—16, 2008. — Ohrid, 2008*)

А. А. Припадчев

Воронежский государственный университет

Нельзя не приветствовать изучение русского языка за пределами России. Нельзя не приветствовать обращение зарубежных ученых к истории русского языка. Нельзя не приветствовать привлечение к исследованию специалистами Японии такого авторитетного памятника древнерусской письменности, как «Повесть временных лет», старейший список которой в составе «Лаврентьевской летописи» датируется 1377 г.

В теории статьи господина Акихиро Сато вербально или имплицитно актуализируются традиции трех важнейших направлений мировой лингвистики: текстология, историческая лингвистика текста и историческая стилистика текста.

В аспекте текстологии «Повесть временных лет» с опорой на пять выделенных автором типов дискурса (текст-фактография, текст-комментарий, текст — цитата из Библии, текст — прямая цитата разговорной речи, текст — цитата письма) сравнивается с «Житием Кирилла» и с «Житием Мефодия».

Выявлена нерядоположенность трех названных текстов в отношении состава указанных композиционных форм речи.

Так, в «Повести временных лет» доминируют два типа текста: текст-фактография (изложение событий) и текст-комментарий (комментарий событий). В «Житии Кирилла» эти типы текста практически (по концентрации глагольных форм прошедшего времени в тексте-фактографии, форм различных времен в тексте-комментарии) не распознаются. В «Житии Мефодия» текст-фактография включает самостоятельный тип текста — цитирование письма, а текст-комментарий посвящен не Мефодию, а Богу.

В результате текстологического анализа «Повести временных лет» сделан вывод о том, что киевские летописцы не заимствовали свое повествование непосредственно из памятников старославянского языка — «Жития Кирилла» и «Жития Мефодия».

В аспекте лингвистики текста «Повесть временных лет» с опорой на понятие «порядок слов» (подлежащего и сказуемого) снова сопоставляется с «Житием Кирилла» и «Житием Мефодия».

Установлена нетождественность этих текстов в отношении постпозитивного и препозитивного употребления подлежащего.

Так, в тексте-фактографии из «Повести временных лет» доминирует препозиция сказуемого к подлежащему: *иде Ольга; приде Ольга; присла царь; благослови патриархъ; возва царь; рече царь*.

Существенно семантическое обоснование такого строения синтагм. Оно раскрывается при учете связи порядка слов и актуального членения синтагм, их тема-рематической прогрессии.

Тема синтагм, т.е. словесный ряд до предикатной синтаксемы, включая и ее, темпоральна и абстрактна. Об этом говорят именные темпоративы в начале темы (*в лѣто — 6463 иде Ольга*), а также текстовые темпоративы — сочинительные союзы И (*И — приде Ольга*), аналогом которых в греческом и позднем русском выступают наречия времени «сначала — затем — потом».

Рема локальна и конкретна. На это указывают синтаксемы с одним из вариантов пространственной семантики — семантики лица (*Ольга, царь, патриархъ*).

Употребление номинатива лица в рематической зоне синтагм говорит о недостаточной вычлененности субъекта из ряда пространственных объектов. Отголоском такого положения дел является невыраженность в древнерусском категории одушевленности, непредставленность подлежащего личными местоимениями, а также использование дательного со значением не-адресата в дательном самостоятельном.

В тексте-комментарии из «Повести временных лет», напротив, «лидирует» препозиция подлежащего к сказуемому: *си съяше; си омыся; си въниде*.

Употребление номинатива местоимения СИ в теме синтагм указывает на переосмысление значения лица, пребывающего в пространстве, в значение субъекта, действующего во времени. Результатом этого становится емкость и синкретичность семантики слова СИ: это и субститут имени лица, Ольги, это и указатель на лицо, Ольгу, отсюда это и текстовый локатив «здесь», и текстовый темпоратив «сейчас».

Пропорции конструкций «сказуемое — подлежащее» и «подлежащее — сказуемое», отмеченные в тексте-фактографии (приблизительно 403 к 403) и в тексте-комментарии (приблизительно 50 к 100) из «Повести временных лет» оказались не зеркально воспроизведенными в «Житии Кирилла» и в «Житии Мефодия», что свидетельствует о разном «участии» категорий пространства и времени в текстообразовании всех трех произведений.

В результате анализа «Повести временных лет» в плане лингвистики текста подтвержден итог текстологического описания данного произведения: киевские летописцы оставались оригинальными в построении текста, имея возможность соотноситься с памятниками старославян-

ского языка — «Житием Кирилла» и «Житием Мефодия».

В аспекте стилистики текста «Повесть временных лет» с опорой на понятие «стиль повествования» еще раз сопоставляется с «Житием Кирилла» и «Житием Мефодия».

Обобщенность термина «стиль повествования», не расчлененного на понятия «стиль языка», «стиль речи» и «индивидуально-авторский стиль», не помешала установить самобытность древнерусского текста «Повесть временных лет» на фоне старославянских текстов «Житие Кирилла» и «Житие Мефодия»: «Специфический стиль повествования, наблюдаемый в ПВЛ и основанный на чередовании предложений с порядком слов «сказуемое — подлежащее» и предложений с порядком слов «подлежащее — ЖЕ — сказуемое», не имеет своих аналогов ни в ЖК, ни в ЖМ» (с. 38).

Предпринятый господином Акихиро Сато многоаспектный комплексный анализ текста «Повесть временных лет» заслуживает внимания ученых и полезен для практики преподавания русского языка как в русской, так и в иноязычной аудитории.

*Воронежский государственный университет
Припадчев А. А., доктор филологических наук,
профессор кафедры славянского языкознания*

*Voronezh State University
Pripadchev A. A., Doctor of Philology, Professor,
Department of Slavonic Linguistics*